

Нугзар Шатаидзе¹

ПУТЕШЕСТВИЕ В АФРИКУ

I

Кому что по душе, а мне — больше всего сон. Поесть, например, горячий суп или пюре картофельное с котлетой тоже, конечно, приятно, но спать приятнее. Особенно утром, когда холодно, а тебе, пригревшемуся, беззаботно спится.

Раньше, с матерью когда жил, и кровать и все прочее было, наоборот, спал неохотно. Бывало, она в постель гонит, мол, поздно уже, ложись иди, а я не слушаюсь и то телевизор смотрю, то с ребятами в коридоре играю. Но теперь спать лучше: стоит лечь, как тут же засыпаю.

Однако ж до того, как в подвале обустроиться, хорошенько помучиться пришлось — мне и дурачине одному. На дигомской трассе, в «аллее», бывало, подождем покрышку, усядемся перед ней и засыпаем. А сейчас приду, заберусь в картонную коробку, да в одеяло свое укутаюсь.

Должно быть, удивитесь, откуда одеяло? Под Новый год на Тэвзе по корпусам прошелся — нет ли какой одежды старой, поспрашивал, и вот — получил: одеяло и теплый бушлат. Бушлат великоват, но я рукава завернул и как раз впору пришелся. А картонку на «Элиава» раздобыл.

В коробке спать парень сухумский, Гошка, научил. Хороша вещь! Снаружи холод держит, изнутри — тепло. Но если мороз, то озноб берет-таки. Просыпаешься ночью, дрожишь — и ни одеяло, ни коробка не помогают. Тогда встать надо и бегать или прыгать на месте.

¹Нугзар Шатаидзе (1944—2009) — драматург, эссеист, сценарист, актер. Родился в Тбилиси, окончил физический факультет Политехнического института. В 1979 г. вышел его первый сборник рассказов. Лауреат государственной премии (1996 г.), лауреат литературной премии «Саба» (2005 г.). Автор многочисленных сценариев художественных и документальных фильмов, радиопостановок. По мотивам рассказа «Путешествие в Африку» им написан сценарий фильма «Другой берег».

И все же — что и говорить — это лучше, чем покрышка. А то по утрам просыпались с тем дуралеем, у обоих лица в копоти — одни глаза и зубы белеют. Порою смеялись друг над другом. А потом этот олух на ацетон подсел, ну, и опустил вконец, постоянно отключенный ходил. Вроде бы говорил с тобой, обыкновенно так, нормально говорил, но вдруг переключивало и заносило беднягу: то отцом называл, то матерью, то не знаю еще кем. Спустия время умер. По слухам — замерз, но это неправда: ацетон доконал.

Не найди я подвала, и мне б вслед за дурачиной пришлось отправиться. Потому как в кайфе и не холодно вовсе, точнее, не чувствуешь ничего и только, как на экране, видишь проходящих перед глазами слонов, львов и жирафов. Они бредут, а ты смотришь. Отпад полный! Покруче телевизора. Как бы описать... ну, ты вроде бы с ними вместе идешь, не издалека наблюдаешь, а рядом стоишь. Иногда так близко проскользнут, аж коснутся, и тогда их запах и тепло чувствуешь... Зебра, скажем, как думаете, чем пахнет? Лошадью. Слоны семьями ходят по семь, восемь, девять штук, единороги — по одному, по двое, не больше. Зато антилоп — не сосчитать.

Но более всего от львов тащусь: как лежат они в сухой траве и на зебр желтыми зрачками посматривают — на них, и еще на буйволов. В эти минуты реально ты не здесь, а там — стоишь по пояс в диких зарослях и слышишь, как ступают по хрупкому тростнику буйволы, как посвистывают и щебечут птицы, с каким грохотом пересекают равнину зебры.

Вот это кайф! К тому же дешевый: тюбик — лари. Просто клей, с ацетоном... выдавливай в целлофановый пакет и знай себе — вдыхай!

Дуралей умер 23 декабря. В тот день сплошь все снегом покрыло, ночью мороз ударил. Покрышка не помогала. Что оставалось делать — клеем дышали. Просыпаюсь утром и вижу: на снегу валяется, скорченный. Принялся расталкивать: как бы не простудился, думаю, наконец, доходит до меня — мертвый он. Тут же деру дал. К проспекту выбежал, вскочил в троллейбус и доехал до метро. О мертвце никому даже не пикнул, боялся, чтоб меня не обвинили.

С того дня не торчал. И желание пропало. До весны и без кайфа дотяну — два месяца осталось, февраль да март. А в апреле уже тепло. К тому же, ведь я сказал, у меня подвал есть. Сам дом, наверное, при землетрясении рухнул — его и бросили, — а подвал выстоял. Одно плохо, внутри огня не развести, дым застаивается, а так все хорошо.

Парня того — дуралея — я бездомным считал, он и сам так рассказывал, но после смерти девица какая-то появилась. Ты, говорит, друг моего брата — и пятнадцать лари всунула. Застыдился я, отказался от денег, но она насильно их в карман мне вложила. Позже Гошка растолковал, что зовут ее Луизой и стоит она на панели у цирка.

Пятнадцать лари — не густо, но и не мало. Мне порой удавалось в день и пять, и шесть срубить. Просто знать надо, у кого просить и жалость как вызвать. Подают-то не многие. Не у многих и есть, но так выставляются, будто имеют, да не с руки подавать.

Если парень с девушкой идут, то к парню надо обратиться: мол, прошу, подари десять копеек¹, — если есть, даст обязательно. Если девушка одна — тоже, но если с подругами — не даст, отвали, скажет. Парень один даже не взглянет, а компанию парней лучше сторониться — обматерят и пинка могут поддать.

Подземные переходы и церковные пороги заняты. В подземках старики то слепыми притворяются, то калеками, там же цыгане со своими чернявыми детьми околачиваются, а у церковей бабки главенствуют. Они друг друга вытуривают, а тебя тем более и близко не подпустят. Оно и понятно, ведь место прибыльное, поскольку из верующего легче выдавить сострадание.

Большинство людей сами не богаты и поделиться им нечем, а те, что побогаче, те пешком не ходят — в автомобилях ездят. Конечно, можно у светофора посторожить и на красный, пока машины стоят, двадцать тетри выклянчить, но и там урвать их надо у конкурентов. Потому и вынужден в рестораны и кафе захакивать. Хотя и это непросто — официанты набегут, заругают, по голове съездят, но не надо пугаться. Пока они заметят тебя, ты свое зашибить успеешь. Вдобавок тепло там да запахом приятным от еды тянет.

Тепло и в метро. Но кто им пользуется-то — простой народ, не так ли? Ну и, к сведенью вашему, этот простой народ подает больше. Метро плохо тем, что там полиция. Было дело, сцапали меня, отметелили и все за тот день наработанные три с половиной лари отобрали. В метро по большей части девчонки промышляют. Их тоже ловят, но не бьют и денег не отнимают, только измываются и до слез доводят.

Некоторым в облом попрошайничать, поэтому они барышничают, будто бы торгуют всякой всячиной, например, церковными

¹ Так у автора.

книжками, календариками, свечками, того гляди кто-нибудь пожалеет и монету подкинет. На Руставели был один десятилетний мальчишка из Очамчира, так он собственные картинки, нарисованные цветными карандашами, штуку за два лари продавал, и неплохие деньги делал.

Раз в неделю автобусом к церкви еду доставляют. Желающие у Кашвети толкуются. В автобусе двое мужчин — Ушанги и Резо, и женщина — Манана. Приедут, нальют в пластмассовые тарелки супа и по два ломтика белого хлеба раздадут. Суп я люблю, поэтому подбавить прошу. Они и сами предлагают, кто хочет добавки — подходи. Потом чаем или компотом угощают.

Однажды тетя Манана спрашивает: неужто у меня никого нет? Никого, говорю, будь кто, шатался бы я на улице?! В автобусе мы все друг возле друга рассаживались, и она как-то ласково посмотрела на меня. Вдруг вижу: глаза у нее, как у матери моей, — один зеленый, второй голубой. Что стряслось со мной, не знаю — я руку ее схватил, поцеловал, но опомнился и сломя голову бросился вон.

После того суп сам варю. Куплю сухой в пакетике, двадцатикопеечный, и к себе несу. Огонь развожу не в подвале, а снаружи, у стенки. На два кирпича ставлю алюминиевую закоптелую миску, водой наполняю — вскипит, и в нее из упаковки все высыплю. Отменный суп получается, до того отменный, что не наешься.

Доселе думал: разноцветные глаза только у матери моей. Выходит — нет, и у других бывают. У отца моего глаза медового цвета, такие же у меня, а у матери — один голубой, другой — зеленый. Не бывало, чтоб глазам ее не подивились: «Ну, Кето, глаза у тебя!» Мама в ответ всегда улыбалась, кажется, даже гордилась тем, что не походила на других. Но в последнее время они одинаковыми стали — оба голубыми. Должно быть, оттого, что к выпивке пристрастилась.

Пьяная, бывала в плохом настроении: случалось, посадит на стул и заведется — то так скажет, то этак. И чего только я не слышал. Постепенно начинала буйствовать и желчь источать: будто я виноват, что в Ткварчели дом оставили и покинули те места, что уже десятый год от отца ни слуху, ни духу, что работает она в ледяном ларьке, хозяйка которого — вздорная дама — вечно обвиняет ее в краже, а после, когда обнаруживается, что и не пропадало ничего, и не думает извиняться. Как будто и в том я повинен, что пьяницею стала, и что из-за холода к водке привыкла (как дурачина, согреваясь, — к

ацетону) и теперь вот должна ежедневно прикладываться к бутылке, ибо лукавый ее не отпускает.

Как-то избила меня. Избила ножкой стула, которую на всякий случай держала за дверь. Так избила, что бровь мне рассекла и на правой руке мизинец сломала. Прибила бы, не сбегись на мои крики соседи. Однако ушел я из дома не из-за этого, а совсем из-за другого...

Знал, где она хранит деньги, и, уходя, прихватил их, прихватил и ее кольцо обручальное — подарок отца. Тогда был уверен, что поступаю правильно, а теперь думаю, что совершил глупость, — не мое это было дело. Ведь еще неизвестно, жив ли вообще мой отец, столько времени его не видно.

Вот и сейчас, как вспомню об этом, в жар бросает. Стыдно становится. Плохо я поступил. Не о том, что ушел, жалею или что деньги, тридцать лари, унес — тоже не страшно, — но кольцо брать не стоило...

Вылез я из коробки, протер глаза и за готовку завтрака принялся: взял алюминиевую миску, бутылку воды из-под кока-колы, пару яиц и спички, все уложил в карманы бушлата и вышел из подвала. Там меж двух кирпичей огонек раздул, на них поставил миску с водой и яйца в нее погрузил.

Очень люблю эту утреннюю возню на рассвете. В эти часы в городе тишь, изредка доносится шум проезжающих машин. На платанах чирикают воробьи, тоже продрогшие. Откуда-то появится съезжившийся от холода прохожий, при виде меня остановится и удивленно посмотрит. Я внимания не обращаю, готовлю себе щепки в огонек подбрасываю — он и уйдет, ускоряя шаги, с глаз скроется.

Когда уезжали оттуда, отец в сухумской больнице лежал, после инфаркта, и врачи говорили, что двигаться ему с места нельзя. Бабушка не отходила от него. Мне шесть лет было, но разговор родителей хорошо помню: отец настойчиво требовал, чтобы мы с мамой уехали из города, а мать оставлять его не хотела. Под конец отец так рассердился, что ему плохо стало.

В городе непрерывно стреляли, но дядя Боря, наш тктварчельский сосед, усадил нас в свою «шестерку» и вывез из Сухуми. Затем шли пешком вместе с другими беженцами. На перевале повалил снег. Люди выбивались из сил, то и дело падали, некоторые умирали, особенно старики и грудные дети. Нам повезло, и вот теперь мы здесь, но врозь — мать сама по себе, я сам по себе.

Миску с огня снял, воду слил, вареные яйца принес в подвал и положил на покрытый газетой ящик. А перед глазами все кольцо материнское стоит. И вдруг мелькнуло: что, если взять и на поиски отца отправиться! Эта мысль так меня всполошила, так руки затряслись, что второе яйцо еле очистил, — такой уж я ненормальный: когда волнуясь, аж лихорадит. Ел и все думал о предстоящем пути, а сердце учащенно билось.

Когда покончил с завтраком, со «стола» не прибрал, засунул руку в тайник и вынул из него завернутые в бумагу деньги и золотое кольцо. Его спрятал в карман, деньги же пересчитал — оказалось двадцать семь лари. Да с такими деньгами куда угодно можно отправляться!

Встал, по сторонам огляделся. Сверху из прорезанного отверстия пробивался утренний свет, едва освещая подвал. Меня здесь никто не беспокоил. И хотя прожил в нем всего две недели, но привык уже, и жаль было оставлять. Подумал: возьму с собой одеяло, но как таскаться с ним, потеряется еще или отнимут в дороге, ведь новое. Только сейчас осознал, что взаправду ухожу, и успокоился, руки присмирели, от сердца отлегло.

Перед отъездом собрался повидать Гошку, он все знал — наверное, и то, как до Ткварчели добраться.

— Ну, блин ... — выразился Гошка. — Ну, ты даешь! А если абхазы поймают тебя и отымеют, что потом?

— Чего им ловить меня?

— Как чего?! Ты грузин?

— И что?

— А то, что им грузины не по вкусу.

— Откуда они узнают, что я грузин?

— Как — откуда?!.. По-русски говоришь? Нет. По-абхазски — тоже нет. Значит, грузин!

Верно. Это мне в голову не приходило. Ну, допустим, я ни о чем никого не спрошу, а если меня спросят?.. Впрочем, чего это, кому я сдался?! Нет, что-то надо придумать... Пока там жили, русский и грузинский почти одинаково знал, но в Тбилиси забыл, здесь все на грузинском.

— Постой! — окликает Гошка. — Немым будешь. Они спросят, а ты руками, знаками отвечай, понял?

Вот гений этот Гошка, а всего-то на год старше, не больше.

— А как доехать?

— Как? Легко. Деньги есть?

— Есть.

— Поездом. Билет — восемь лари, а если документ беженца имеется — четыре. Приедешь в Зугдиди, оттуда автобусом до Ингури, потом пешком через мост — и снова автобусом до Очамчира...

— А автобусы ездят?

— Ездят.

— Ну, а дальше?

— Дальше на электричке, но ходит ли она теперь, не знаю...

Что раньше ходила, это и я хорошо помнил.

— Тогда пешком?

— Нет, далеко... но ежели пешком, то — по шпалам... по рельсам шагай. Уяснил?

— Угу.

— Гони теперь два лари.

— Чего это?

— Научил же!

Дал ему лари. Мог и вовсе не давать. Малорослый, потрепанный, силой бы не отнял, но — заслужил. В карман монету отправил без протеста и без благодарности.

— Ладно, пошел я.

— Валяй... Ни пуха, ни пера!

Вечером купил две консервы с килькой, два хлеба и полкило халвы. Погрузил в старенький рюкзак и вышел к вокзалу. Документа беженца у меня, конечно, не было. Так что отдал за билет восемь лари и в общем вагоне примостился.

Просто, все совершалось очень просто...

Вот и поезд тронулся и, постепенно ускоряясь, оставил позади здание вокзала и намокший перрон. Из окна вагона видны высокие серые дома, какой-то старый заброшенный завод или хранилище, во дворе некогда желтый, а ныне изъеденный ржавчиной трактор, там же разбросанные трубы, рельсы, шпалы, дальше — длинная улица, с выстроившимися вдоль тротуара торговыми лавками, и среди них одинокая, голодная собака... Все это медленно, почти беззвучно скользило прочь.

Поезд набирал ход...

Никаких страхов! Напротив — радость: я ведь на то пошел, на что никто другой не осмеливался, а я решился и сделал.

Эх, был бы жив дурачина, и он бы поехал... До Очамчира вместе бы катили, а там он — в Сухуми, а я в Ткварчели бы потопал. До сих пор помню ткварчельскую платформу вокзальную, заасфальтированную и почему-то влажную... может, из-за дождя... да, идет дождь — на платформе лужи... дочь соседа-абхаза Лида что-то объявляет по репродуктору: сначала по-абхазски, потом по-грузински и в заключение по-русски. Мама держит меня за руку. Отец выходит из здания вокзала, прячет от морозящего дождя в сомкнутой ладони дымящуюся сигарету, а другой рукой машет нам. Видимо, едем в Сухуми, и у него билеты на электричку. С платформы видны грэские дымовые трубы, слева — высланные лесом горы и позеленевшая красная черепица кровель. Наверное, стоит весна или же конец зимы, потому что на отце синяя куртка и светлая кепка. Родители работают на электростанции. Отец — машинист паровой турбины, мать — оператор водяного насоса. В четырехэтажных «домах ГРЭС» мы живем на первом этаже; в школу я еще не хожу, но скоро начну. Мать с отцом работают в разных сменах, поэтому я то с одним из них дома, то — с другим, а иногда, случается, и с обоими, а если это суббота или воскресенье — втроем едем в Сухуми. В летнюю пору почти целый день проводим у моря в Келасури — купаемся, жаримся на солнце, проголодавшись, покупаем аппетитные чебуреки и там же, на пляже, ими угощаемся.

Зимой по городу гуляем. В кино, в магазины заходим, потом идем в прибрежный ресторан, который «Диоскурия» называется, и отец официанту шашлык и бутылку вина заказывает. Там надолго задерживаемся — играет музыка, родители безмятежно беседуют, а я смотрю на волнующееся море, на чайки и на рыболовные лодки, переваливающиеся через волны. Выйдя из ресторана, не спеша прогуливаемся в сторону театра и непременно заглядываем в маленькое, уютное кафе, где мать с отцом пьют кофе, а я упиваюсь лимонадом.

К вечеру возвращаемся домой. Я, как правило, в дороге сплю и просыпаюсь при въезде в Ткварчели. Смотрю, потирая глаза, в окно вагона и, удивленный, вижу нашу платформу, синюю постройку вокзала и надписи на абхазском, грузинском и русском. Читать уже умею, поэтому громко произношу по слогам: «Ткварчели» — и недоумеваю, как же мы так быстро приехали.

А этот мой поезд, гремя колесами, безудержно мчится. Выстроенные вдоль железнодорожной колеи телеграфные мачты и высоко-

вольтные столбы перекинули друг к другу провода — то подтягивающиеся вверх, все выше и выше, то снова опускающиеся вниз.

Утром разбудили сутолока и шум пассажиров — поезд прибывал на зугдидский вокзал. И тут сердце заколотилось. Люди продвигались к выходу, образовывая длинную очередь, и я поспешно занял в ней свое место...

На вокзале справился об автобусе в сторону Ингури. Указали на «пазик». Подошел к шоферу: «До Ингури доеду?» — «А едешь к кому?» — «К бабушке», — говорю. «Доедешь!» Поднялся в автобус и на заднее сиденье сел. Скоро весь «пазик» набился людьми, а проход — цветными сумками и корзинами.

Водитель завел мотор, и мы двинулись. В этих местах теплее, чем в Тбилиси, но сыро. Понятия не имел, где ночевать буду, и досадовал на себя, что не взял-таки с собою одеяло.

Двигались по разбитой дороге, сотрясаясь так, что пару раз ударялся головой об стекло, а внутри у меня все взболталось. Другим досталось не меньше. Но никто не жаловался, видать, свыклись с подобными поездками...

Время от времени блажная мысль проносилась: а не повернуть ли назад, но я сразу же отгонял ее прочь.

Летом в Ткварчели с мальчишками на речку ходили. Она рядом протекала, но, тем не менее, мама запрещала бывать там. Опасалась, как бы я с Аликина утеса не махнул вниз. Не знала, что нелегкая это затея — прыгать с него в воду. Да ровесники мои и не смели. Надо было десяти-двенадцатилетним быть, чтобы ребята постарше дали на то добро. Мне же только седьмой год шел. Вот мы и плескались внизу на мелководье.

Скала нависала над рекой, а у подножья ее пенился глубокий водоворот. К краю обрыва тянулась тропинка. Как-то сын одного абхаза, Алик, спрыгнув оттуда, ударился затылком об уступ и погиб. Несмотря на это, с утеса все равно прыгали — по обрывистой тропке нагишом поднимались наверх, о колючий кустарник по пути раздирали кожу и, приблизившись к пропасти, с затаенным страхом вглядывались в бурлящий омут. Некоторые, уже опытные смельчаки, с ходу же прыгали вниз, другие часами готовились к прыжку, но я не помню из поднявшихся ни одного, кто вернулся бы обратно той же тропой.

Вот и мне теперь казалось, будто я на вершине скалы и собираюсь с нее спрыгнуть. Еще можно было пойти на попятную, еще было

время все хорошо обдумать, взвесить и, ежели посчитаешь нужным, повернуть назад, но такое намерение представлялось мне ужасно позорным, поэтому я тут же его отметал.

Автобус, дребезжа, ехал по мокрой дороге. Стекла запотевали, но стоило провести по ним рукой, и показывались обширные посевные поля, за ними — болота, а еще дальше — горы, покрытые безлиственным лесом. По обеим сторонам проезжей части стояли двухэтажные дома с поросшими травой дворами. По обочинам, пережевывая жвачку, бродили коровы и окидывали нас грустным взглядом.

Перед ингурским мостом несколько человек с пожитками вышли, и в автобусе стало попросторней.

Ехали в основном женщины и пожилые люди. Из их разговора я догадался, что проживают они в деревнях Гальского района, торгуют в Зугдиди курами, поросятами, сулугуни и аджикой, там же отовариваются мукой, сахаром и другими продуктами, и теперь возвращаются домой. Главным образом говорили на мегрельском, которого я не понимал, но подчас переходили на грузинский. Меня, конечно, более всего интересовала ситуация по ту сторону моста: нужно ли будет предъявлять пропуск или иной какой документ абхазским пограничникам, но об этом никто не проронил ни звука. Ну, и я ни о чем никого не расспрашивал, боясь, как бы не раскрылось, что не в Гали, а в Очамчира и дальше — до Ткварчели намереваюсь добраться.

В Тбилиси об абхазских боевиках ходили страшные слухи. Рассказывали, как пытали они грузин, унижали и оскорбляли их, как расстреливали, кровь их пили и головами в футбол играли.

Чем ближе к Ингури, тем больший страх овладевал мной. Чего ожидать, с чем там столкнусь — я не знал и сердце мое трепыхалось. Единственное, что утешало, — эти женщины и старики, которые держались спокойно, беспечно вели разговоры, порою даже шутили и громко смеялись.

Наконец, измаявшиеся, мы остановились, всполошились, загалдели и потянулись к своим сумкам и чемоданам.

Стоило выйти, как я сразу приметил военных с автоматами — грузин, судя по тому, что они не обращали на нас внимания.

Навьюченные багажом люди двинулись по направлению к мосту.

Я взялся помочь какой-то бабушке: давайте, говорю, сумку понесу, и, хотя ей явно не приглянулся мой наряд, она, с недоверием

осмотрев меня с головы до ног, позволила, и я, дабы не вызывать излишнего подозрения, пристроился рядом.

||

Вскоре подошли к месту, где стояли русские солдаты, но и они равнодушно взирали на нагруженных людей, а меня и взгляда не удостоили.

Затем перешли мост и оказались на противоположном берегу Ингури. Вот тут-то, при виде вооруженных абхазов, останавливающих и проверяющих документы, мне стало страшно. Всерьез перепугался, покосился на старушку: думаю, брошу-ка эту сумку и без оглядки улепетну подальше отсюда, а она словно догадалась, кивнула и успокоительно улыбнулась мне.

Подступив к абхазским пограничникам, старушка извлекла из нашитого кармана какую-то бумагу и подала безусому пареньку, который внимательно проверил ее, а после оглянулся на меня:

— А ты куда?!

Сердце забарабанило, но я тотчас вспомнил Гошкин совет и начал знаками, по-немому объясняться: мол, с бабушкой я.

Абхаз снова вытаращился на старушку, но она не смутилась:

— Внук мой, внук!

— А-а, внук...

— Да, внук! — И обернувшись ко мне: — Маиарти, цие, ашо!1

Я безмолвно последовал за ней, стараясь не смотреть назад.

Благополучно миновав заставу, старушка поинтересовалась, куда я направляюсь. С чувством глубокой благодарности я устоял на нее и в этот момент любил, как родную бабушку, сердце выскакивало из груди, к горлу подкатил шероховатый ком, и я чуть не завыл.

— Ладно, не хочешь, не отвечай, — мирно проговорила она и продолжила путь.

Я поплелся за ней.

Подошли к автобусам. Люди раскладывали вещи и занимали места. Старушка взяла свою сумку и собралась подняться в автобус, когда я остановил ее:

— Не подскажите, как в Очамчира доехать?

— В Очамчира?

— Угу.

Она оглянулась вокруг и подозвала небритого мужчину:

— Гиви, морти ашо!

Мужчина покорно подошел и остановился.

— Мальчика довезешь до Очамчира.

— Хорошо.

— Дома все в порядке?

— В порядке, поживаем...

— Этери привет передавай!

Теперь она обратилась ко мне:

— Это мой племянник, он отвезет тебя.

— Спасибо, — выжал я из себя.

— Ну, пойдём! — сказал Гиви и зашагал вперед.

Я за ним. Прошествовали к битком набитому микроавтобусу. Он открыл дверь и умудрился втиснуть меня внутрь.

— Что творишь, Гиви? Нам и так дышать нечем! — крикнул кто-то, но не услышал поддержки своему недовольству.

Гиви обошел машину, сел за руль, и мы тронулись.

Я все думал о пожилой женщине: удивлялся, что заставило ее помочь мне и назвать внуком. Доводилось встречать добрых людей — не без того, — хотя бы ту женщину, подарившую одеяло, или еще тетю Манану, однако известно, что на свете плохих и злых водится намного больше, чем добрых... Бросил взгляд на Гиви — и он не казался злонравным, впрочем, не по собственной доброте вез меня в Очамчира, быть может, и не повез бы, если бы не старушка.

Здесьние дороги не лучше наших, а то, может, и хуже. От такой болтанки недолго до сотрясения мозга допрыгаться, к тому же со вчерашнего дня и крошки во рту не было, с голодухи в животе все печет, да только так мы в автобусе друг к другу прижаты, что при всем желании рюкзака с хлебом, халвой и консервами мне не открыть. Придется снова терпеть и уже по приезде перекусить.

Немного оставалось. Знаю, как только в Очамчира въедем, покажется море. И так радостно на душе, будто увижу покрытые белой пеной волны, и тут же все изменится, и вернуться беззаботные времена, которые мы втроем — мама, отец и я — проводили на пляже. До сих пор помню запах, вкус и голос моря, достаточно зажмурить глаза, чтобы услышать плеск его волн, почувствовать его соленый привкус и запах рыбы...

В Очамчира бывать не приходилось, и я считал его маленькой деревушкой. Вышло, что ошибался, — деревушка оказалась большим поселением...

Прежде чем появилось море, мы еще какое-то время ехали... Наконец, Гиви остановился на небольшой площади и стал собирать с нас деньги за проезд.

Я сидел впереди, и поэтому первым же вышел, и, конечно, сразу устремился к берегу. Море бушевало, громадными, темными валами ударялось о бетонную набережную, разметывало брызги и надрывалось. Со страху я отпрянул. Почудилось, что я сбился с пути, что не туда попал, что, истосковавшийся по морю, разочарованный и обнищавший, в чужой стране смотрю на него.

Было голодно и холодно, быстро надвигались сумерки, а я понятия не имел, где ночевать.

Развернувшись, приблизился к уже опустевшей маршрутке. У открытой дверцы стоял Гиви и наблюдал за мной. Я достал из кармана деньги, выбрал двухларовую и протянул ему, но он отмахнулся:

— Убери-ка подальше!

Я молча поглядел на него, поблагодарил и положил деньги в карман.

— И куда ты теперь пойдешь? — спросил он с таким выражением лица, что не ответить было нельзя, и я признался:

— В Ткварчели, к отцу.

— В Ткварчели!

— Да.

— Как же ты поедешь в Ткварчели?

Я пожал плечами.

— Откуда едешь?

— Из Тбилиси...

— Ого! Ты что!.. — Он задумался. — Залезай!

Сам сел за руль и завел мотор. Я поднялся.

Гиви отъехал и затем сказал:

— Насчет Ткварчели — не знаю, но что вот-вот стемнеет и тебе поспать нужно... нужно ведь?.. В одну семью отведу... близкие... накормят, напоят, спать уложат...

Наконец, подъехали к дому. Гиви посигналил. Отворилась дверь, и выглянула женщина.

— Зита, Даури дома? — обратился он к ней по-русски.

— Нету его, Гиви!

«Ох! Абхазы!» — пронеслось в голове, и от страха волосы дыбом встали.

— А где он?

— Скоро придет. Заходи!

Гиви высадился и пошел было к дому, но вдруг развернулся, заглянул в кабину и произнес:

— Ты смотри, никуда не уходи!

«Будь здесь опасно, этот человек не привел бы сюда», — убеждал я себя, но на сердце все же было беспокойно, и тысячи глупостей лезли на ум.

Гиви снова появился, открыл дверцу машины и позвал за собой. Женщина поджидала возле калитки.

— Иди, сынок, иди... Гиви, заходи ты тоже, Даур скоро придет.

— Некогда, Зита, пойду я...

— Ну, ладно, — ответила она и обернулась ко мне. — Пошли!

Мы минули большой сад и зашли на кухню. Жестяная печка гудела и распространяла тепло, а из стоящей на ней кастрюли валил пар. В затуманенной от него комнате вился аромат вареного мяса, отчего желудок обжигал меня все ощутимей. Вот он каков, голод — всякого страха сильнее. И я, угодливо улыбаясь, устоял на Зиту.

— Ты кто? — осведомилась она.

Я проделал руками какое-то нелепое движение.

— Что, немой?

Немедленно закивал головой.

— А-а, грузин, да?

И уловив, как я, перепуганный, перевел взгляд на дверь, звонко засмеялась и неожиданно заговорила на грузинском:

— Не бойся, думаешь, раз грузин, то я тебя съем?

Я так и остался стоять с разинутым ртом.

Она же смеялась и заразительно хохотала, затем подошла к печи и сняла крышку с кастрюли, над которой густыми клубами распустился нагретый пар.

— Как тебя звать?

— Гия, — невольно солгал я.

— Откуда ты?

— Тбилисец...

— Кажись, голоден?

Нашла, что спрашивать! Да я слюной давился!

— Сейчас все будет... — сказала она и начала доставать из шкафа тарелки с вилками. — Чего стоишь? Снимай куртку и садись!

Я сбросил рюкзак, поставил за дверь, бушлат положил на него, придвинул к печке стул и сел.

Тепло приятно растеклось по телу, утихомирило и сомкнуло мне глаза. Спать сидя я был мастер, ведь именно так мы с дуралеем кемарили — поджигали крышку, и давай! — всю ночь на каменном парапете сидели и спали... Крышка трещит, сыплет искрами и так печет от нее, что если не отодвинешься — сгоришь... Доносится перезвон посуды, и снится, будто ты дома, мама накрывает на стол... Но: мама ли? Нет, это великанша, спрятавшая тебя за шкафом, чтобы вернувшийся с охоты великан тебя не сожрал. Это для него, тихо напевая что-то, хозяйка и накрывает на стол. Позади шкафа жарко... но шкаф ли это? Нет, раскаленная печь... Вдруг растворяется дверь и входит великан.

— Я чую человеческий дух — молвит дэв, такой высоченный, что взглядом не охватить. — А это еще кто?! — почему-то на русском вопрошает он великаншу, а великанша на том же русском отвечает:

— Это? Это Гия, из Тбилиси...

— Грузин!

— Да. Гиви привел.

— Какой Гиви?

— Схулухия. Сказал, что Гия едет к отцу в Ткварчели.

— А дальше?

— Дальше что?.. До утра останется у нас.

— А куда ты его положишь, дура, смотри, какой он грязный.

— Тс-с, тише! Услышит...

Все я прекрасно слышал. Но если абхазы, почему говорят на русском? Жена хорошо знает грузинский. А муж? Быть может, она грузинка, а он абхаз?

Когда я разомкнул глаза и увидел мужа этой женщины, изумился: какой дэв?!.. Обыкновенный человек: среднего телосложения, чисто выбритый, и от грузина не отличить.

Я привстал и кивнул в знак приветствия.

— Ну, здравствуй! — произнес он по-грузински.

Вы посмотрите, и он грузинский знает.

Стол был накрыт, в комнате кружились вкусные, возбуждающие аппетит запахи.

— Пойдем, руки вымоем! — сказал мужчина.

Зита достала из шкафа чистое полотенце и подала мужу.

Вышли наружу, у колонки вымыли руки, меняясь местами у рычага.

— Помпа соединена с колодцем, — разъяснял Даур, — и мотор есть, но нет электричества, и вручную качаем.

Набравшись смелости, я спросил:

— Вы абхазы или грузины?

Он пристально посмотрел на меня.

— Абхазы. А что?

— Нет, ничего.

— Не разумеешь, почему на русском разговариваем?

— Да.

— Оба русскую школу оканчивали. В одном классе учились.

— А грузинский откуда знаете?

— Как это откуда?! — усмехнулся Даур. — И у меня, и у нее матери — грузинки.

Чистым, бархатистым полотенцем вытерли руки, зашли в комнату и сели к столу.

Даур разлил по стаканам розовое вино, а Зита выложила на блюдо куриное чахохбили. Ничего вкуснее я в жизни не ел, и с наслаждением наедался до отвала.

По причине ли тех трех стаканов вина, выпитых с Дауром, или не знаю почему, но всю ночь я спал не шелохнувшись.

Поутру разбудил меня голос Зиты, приманивавшей кур. Приведенная в порядок и, по мере возможности, вычищенная одежда моя лежала на стуле, под ним — рюкзак и обувь. Я поднялся, оделся, взял рюкзак и вышел во двор.

— Куда же ты?.. — полюбопытствовал Даур, который напильником затачивал топор. — Сперва чаю выпьем, а после я сам провожу тебя.

— Нет, нет. Спасибо большое...

— Зита, — окликнул он, — смотри, твой гость уходит!

Появилась Зита, заставила снять рюкзак и завела в кухню, где все уже было готово. Зашел и Даур. Мы сели. Попивая чай и закусывая горячими хачапури, Даур говорил, что электрички в Ткварчели больше не ходят, но он попробует посадить меня на попутку.

Покончив с завтраком, я встал и снова взялся за рюкзак. Даур надел куртку. Зита, прощаясь со мной, смотрела такими глазами, что совершенно растрогала меня.

— Знаешь, Гия, будешь здесь, загляни к нам обязательно, — проговорила она.

Вдруг так и захотелось назвать ей свое настоящее имя, но смекнул, что время упущено, что-то пробормотал и поспешно вышел. Даур вышел следом.

Через поросший зеленой молодой травой дворик прошли к улице. За кустистой колючей изгородью виднелись засаженные многолетними растениями соседские дворы, из которых слышалось кукареканье петухов и индюшачье кулдыканье. Возле королькового дерева стоял на привязи червлёный теленок, тут пестрый мячик валялся на мураве, а там из колодца, в черном платке, абхазка воду черпала.

Впереди шел Даур, я за ним.

Повстречался человек в летах, который курил насаженную на длинный мундштук сигарету. Даур и он пожали друг другу руки и на абхазском о чем-то заговорили. Говорили и то и дело на меня посматривали. При прощании старик улыбнулся, обнажив желтые от табака зубы.

У деревянного мостика остановились, глянули на трассу. Движения почти не было, редко когда проезжала машина. Потом оба сидели на перилах моста и ждали транспорта в сторону Ткварчели.

Странно, но Даур ни о чем не спрашивал. На мгновение я даже подумал, что он забыл про меня. Безмолвно сидя, он сворачивал самокрутку. И я следил, как ловко двигались пожелтевшие от сигаретного дыма пальцы. Закончив укладку и языком проведя по бумаге, он достал зажигалку и прикурил. Дай, думаю, спрошу его о чем-нибудь, но впустую — ума не приложил, что спрашивать, и так все было ясно.

Наконец показалась грузовая машина, Даур махнул водителю рукой. Остановил. Они перекинулись всего несколькими словами, и вот он уже помогает мне взобраться в кузов, а когда машина тронулась, как ни в чем не бывало машет рукой, словно я совсем скоро должен вернуться.

Старый, кто знает сколько раз чиненный-перечиненный грузовик с хрипом одолевал подъем... На дальних склонах ущелья вырисовывался лысый, кое-где сохранивший зелень лес... Чем ближе, тем холоднее... Я пытался представить лица отца и бабушки, но не мог. Бабушку и вовсе не помнил, так как жила она в Гудауте, и мы редко к ней наведывались, а облик отца смутно стоял перед глазами и заслонялся материнским обликом — он медленно разрастался, ширился и накладывался на померкшее лицо отца и согбенную спину бабушки.

Последний раз я видел отца девять лет назад — больного, измученного, с истертым лицом. Я вспоминал его расширившиеся глаза, искривленный гневом рот, но и глаза, и рот, и этот цвет кожи были разьединены и никак не соединялись.

Лучше всего я помнил отцовский запах. Это был запах табака, кислого вина и еще чего-то. Он исходил от одежды, книг, квартиры, в которой мы жили. По нему я мог догадаться, что отец пришел с ночной смены домой и что вот-вот подойдет ко мне, лежащему в кровати, и прикиннет своей холодной, колючей щекой к моей щеке...

Когда мы въехали в Ткварчели, я не узнал города, и не только потому, что он стал другим (хотя все так же возвышались окруженные лесом горы, там и сям высывались черепичные крыши домов, а ниже, у вокзала, виднелись грэские дымовые трубы), но еще и потому, что я ехал по автомобильной дороге, а прежде всегда на электричке ездил.

У рынка (которого и в помине уже не было) я распрощался с водителем и, с замиранием сердца, пошел вверх по улице.

Вот и он — наш корпус! Перед ним протекает речушка, переходишь мостик и ступаешь во двор, а там первый же подъезд — наш... но двор пуст, один корпус... и ни единого уцелевшего окна...

Стою растерянный, не знаю, как повести себя... врываюсь в подъезд... входной двери в квартиру больше нет... внутри запустение, на полу мусор — какие-то бесполезные вещи, среди которых мой матерчатый мишка Герасим, с оторванным кем-то плечом... поднимаю его, рассматриваю. Из «раненого» плеча Герасима торчит голубая вата, я почему-то заправляю ее обратно и, озираясь по сторонам, вижу его лапу... подбираю ее и машинально приставляю на свое место. Будь у меня нитка с иглой, приладил бы, но что уж теперь!

Засунул я безрукого мишку вместе с его лапой к себе в рюкзак и вышел.

В конце двора все еще стоит бетонный стол с длинной лавкой. Раньше жильцы игрывали на нем в домино, были слышны шпоканье игральных камней, хлопанье костяшек счетов и задорные выкрики, но сейчас никто не сидит за ним и, судя по всему, уже давно никто не сиживал.

Что же делать? Неужто и впрямь никого не осталось, чтобы спросить об отце? Куда делось столько народу?.. Усаживаюсь на бетонную скамью и молча окидываю взглядом двор...

Неожиданно из нашего подъезда, припадая на одну ногу, с ведром в руке, вышла одетая в черное старушка и заковыляла в мою сторону, но, увидев меня, вздрогнула, уронила ведро и, прикрыв ладонью глаза, начала всматриваться. Какой-то чудодейственной силой я узнал ее — она жила над нами, в однокомнатной квартире третьего этажа, — но имени не вспомнил. Подняв ведро, я подошел к ней, улыбаясь.

— Кто ты? — спросила она и угрюмо глянула.

— Мы жили здесь, на первом этаже... — И вдруг тем же чудным образом вспомнил ее имя. — Вы, верно, Маро, бабушка Маро?..

— Ой, да никак Кэтоин сын?

— Да...

— А сюда-то как попал?

— Из Тбилиси приехал.

— Из Тбилиси?! Батюшки! Да что видят глаза мои! А Кэто жива?

— Жива... В Тбилиси она. Я отца повидать приехал, но... — И я бросил взгляд на дом.

— Не бойся, сынок, он жив-здоров, правда... женился и съехал отсюда... Ты не нервничай, дорогой, что ему оставалось делать, ведь больному ему сиделка требовалась...

Пока не откашлялся, звука не мог произнести.

— Куда уехал?

— Не знаю, сынок. Сначала сказали — в Сухуми поселился, потом — в Армавире, да что там говорить...

Некоторое время, забыв друг о друге, мы молчали. Я украдкой поглядывал на нее — постарела, совсем другой ее помнил, вообще странно, что узнал.

— Ну, ладно, бабушка Маро, я пойду...

— Разрази меня Боже! — воскликнула она. — Куда ж ты пойдешь?

— Да не знаю... пойду...

Она ухватилась за мой рукав.

— Не пуцу, нет!.. Никуда сейчас не пойдешь! — И ее уста тронула ласковая улыбка. — Чаем напою, яйцо отварю... не совсем еще опустелись!

Мы набрали в ведро воду из речки и поднялись к ней. Старушка засуетилась, на керосинку поставила кастрюльку с двумя яйцами. Я достал хлеб, консерву с килькой и халву.

При виде сладости у старушки заблестели глаза.

— А ее где взял?

— Халву?

— Да.

Я усмехнулся.

— Халвы в Тбилиси навалом.

— Вот славно!

— Кого взял в жены?..

— Отец твой? Лиду.

— Какую? Что здесь жила?

— Да, на втором, — и она топнула каблуком об пол, — вот прямо подо мной. Тогда этак нужно было: если у мужчины жена абхазка — не придирались... Две девочки у них. Сестры они твои, сынок, должно тебе их узнать и жаловать.

Переночевал здесь. Утром поднялся рано. Горемычная старушка много раз просила меня остаться, но я не слушал...

До Очамчира какой-то добросердечный человек на старом «москвиче» подвез. Оттуда до ингурского моста ехал на автобусе, до Зугдиди — тоже на автобусе, и, наконец, на поезде — до Тбилиси.

В поезде не спал, думал о происшедших событиях, вспоминал гальскую старушку, что помогла мне переправиться через пограничный мост; ее племянника, Гиви — водителя маршрутки; Зиту и Даура; бабушку Маро... Вспоминалось и то, как застыдилась Маро, когда я узнал наши настенные часы у нее в квартире; как начала оправдываться, мол, будто отец мой ей подарил, но было ясно, что она сама их взяла после его отъезда. Часы-то, нерабочие, висели на стене. А когда-то из них выскакивала маленькая смешная кукушка, своими «ку-ку, ку-ку» отсчитывая счастливые дни.

При расставании она сняла их со стены и пыталась вернуть назад, но я, хоть убей, ни в какую не взял. На кой они мне, еще переть их; хотя, пожалуй, матери мог привезти, может, обрадовалась бы. Но ничего. Обручальное кольцо ей отнесу и брошу, пускай сами разбираются в своих делах...

В Тбилиси, выйдя из поезда, напрямик направился на базар. Деньги еще оставались, я купил два двадцатикопеечных черных целлофановых пакета, шесть тюбиков клея, и побрел к своему подвалу. Думал, пришью Герасиму лапу, но настроение пропало.

В ту ночь явилось немерено животных...

Приходили слоны, носороги, жирафы, зебры, верблюды, львы, антилопы...

Они шли и шли...

Я стоял в высокой, сухой траве и слышал их горячее дыхание, вдыхал их звериный запах... Видел там же, в моих ногах лежащих львов, устремляющих взгляд своих желтых зрачков вдаль на удаляющихся к кромке равнины антилоп... Одну из них они давеча настигли и теперь вылизывали языками перепачканные ее кровью морды. Останки несчастной антилопы доклевывали большие, голошеие грифы...

Под конец пришли две гиены...

Перевод с грузинского Николая ЛОМИДЗЕ